

Научная статья

УДК 323.1(51)«19»

DOI 10.37724/RSU.2022.77.4.007

Новые тенденции в национальных движениях стран Востока (первая половина XX века)

Александр Мануэльевич Родригес-Фернандес

Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

am.rodriques-fernandes@mpgu.su

Аннотация. В данной статье рассматривается новый этап развития общественной мысли и становления политических идеологий в странах Азии и Африки (преимущественно — начало XX века и межвоенный период). Новый период был прежде всего связан с консолидацией политической мысли, появлением в ней противоборствующих направлений, умеренно-либерального и радикального, по главному вопросу — борьбе за независимость. Умеренные ориентировались на западное общество как образец, добивались суверенитета через осторожную модернизацию политической и экономической структур, ликвидацию крайних проявлений колониальной дискриминации, внедрение элементов конституционных норм жизни. Они были лояльны к власти имущим, действовали в рамках закона, следовали тактике компромисса, считали, что народ не готов к самоуправлению. В отличие от умеренных, радикалы стремились к немедленному национальному освобождению, были убеждены, что с правителями компромиссы невозможны, признавали обоснованным и необходимым применение насилия в борьбе за свободу и верили в народ. К середине 1930-х годов умеренно-либеральные партии и организации, потеснив радикалов, занимали прочные позиции в большинстве стран Востока. Вплоть до Второй мировой войны либеральное сознание на Востоке все еще связывало судьбу восточных обществ с Западом. Притом что для либеральной интеллигенции главной в конечном счете была идея национальной независимости, все же сохранялась иллюзия, что светская западная цивилизация способна обеспечить всесторонний прогресс восточных обществ на некой «национальной» и «демократической» основе. Проблема заключалась в том, что взгляды восточных либералов представляли собой по большей части сочетание отдельных концепций европейского Просвещения, окрашенных местными традициями. Резкий поворот к радикализму, преобладание левых сил произойдет в ходе будущей войны, борьбы освободительных армий, распространения социалистических идей.

Ключевые слова: антиколониальная борьба, западная и восточная цивилизации, либеральная и радикальная идеологии, национальный суверенитет, общественная мысль, социально-экономическое развитие.

Для цитирования: Родригес-Фернандес А. М. Новые тенденции в национальных движениях стран Востока (первая половина XX века) // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2022. № 4 (77). С. 64–70. DOI: [10.37724/RSU.2022.77.4.007](https://doi.org/10.37724/RSU.2022.77.4.007).

Original article

New trends in the national movements of the countries of the East (the first half of the XX century)

Aleksandr M. Rodriguez-Fernandez

Moscow State Pedagogical University, Moscow, Russia

am.rodriques-fernandes@mpgu.su

Abstract. This article examines a new stage in the development of public thought and the formation of political ideologies in Asia and Africa (mainly the beginning of the XX century and the interwar period). The new period was primarily associated with the consolidation of political thought, the emergence of opposing trends in it on the main issue — the struggle for independence: moderate-liberal and radical. Moderates focused on Western society as a model, sought sovereignty through careful modernization of political and economic structures, the elimination of extreme manifestations of colonial discrimination, the introduction of elements of constitutional norms of life. They were loyal to those in power, acted within the law, followed the tactics of compromise, believed that the people were not ready for self-government. Unlike the moderates, the radicals sought immediate national liberation, they were convinced that compromises with the rulers were not possible, recognized the use of violence in the struggle for

freedom as justified and necessary, and believed in the people. Depending on the situation in different countries, one or another current came to the forefront of public life at different times, pushing the rest into the shadow, sometimes even imposing their own vision of reality on them. By the mid-1930s, moderate liberal parties and organizations, having pushed the radicals, occupied strong positions in most of the countries of the East. Until the Second World War, the liberal consciousness in the East still linked the fate of Eastern societies with the West. Despite the fact that the idea of national independence was ultimately the main thing for the liberal intelligentsia, the illusion persisted that secular Western civilization was capable of ensuring the comprehensive progress of Eastern societies on a kind of “national” and “democratic” basis. The problem was that the views of the Eastern liberals were mostly a combination of separate concepts of the European Enlightenment, colored by local traditions. A sharp turn to radicalism, the predominance of the left forces will occur during the future war, the struggle of the liberation armies, the spread of socialist ideas.

Keywords: anti-colonial struggle, Western and Eastern civilizations, liberal and radical ideologies, national sovereignty, social thought, socio-economic development.

For citation: Rodriguez-Fernandez A. M. New trends in the national movements of the countries of the East (the first half of the XX century). *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2022; 4 (77):64–70. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2022.77.4.007.

К началу XX столетия произошло качественное изменение в антифеодальном и антиколониальном движении. Просветительские клубы уступили место политическим партиям в качестве организатора национальных сил. Активность средних слоев стала получать поддержку масс. Но в каждой стране сложились свои политические институты, свои условия, что требовало разной тактики борьбы.

Антифеодальное и национально-освободительное движение объединяло всех, кто мечтал о свободе, независимости, прогрессивном развитии родины. Однако степень радикализма требований, пути и методы достижения целей отличались: в колониях — от ассимиляторства (стремления к прогрессу колониальных народов через их слияние с народом метрополии путем усвоения его языка, обычаев) до вооруженного восстания, в полузависимых монархиях — от культурно-просветительской работы до революционных действий.

Повсеместно выделялись два главных направления политической мысли: умеренно-либеральное, реформистское в духе европейского либерализма, и радикальное. У их приверженцев была одна цель — независимость, и расходились они только в выборе средств ее достижения.

Умеренные, ориентированные на западное общество как образец, добивались независимости через осторожную модернизацию политической и экономической структур — ликвидацию произвола верховной власти и ее аппарата, колониальных форм дискриминации, внедрение конституционно-парламентских норм жизни. Они выступали против феодальной архаики, за экономическое развитие, распространение современного образования, пропаганду естественно-научных знаний. Умеренные были лояльны по отношению к власти имущим, действовали в рамках закона, следовали тактике политического маневра, компромисса, движения к цели шаг за шагом, считали, что народ не готов к самоуправлению. В отличие от умеренных, радикалы стремились к немедленному национальному освобождению или восстановлению национального суверенитета. Они были убеждены, что правители не готовы к компромиссу, признавали законным и часто необходимым применение насилия в борьбе за свободу, верили в народ.

Специалист по политической истории Китая А. Г. Крымов приводит тезисы дискуссии китайских революционеров и конституционалистов, опубликованные в журнале «Миньбао», который революционеры издавали в Японии в 1905–1910-х годах. Основные тезисы первых: республика, демократическая конституция, опора на народ, просвещение, а также политическая и национальная («расовая») революция в форме народного восстания. («Расовая» революция понималась как освобождение от господства иностранцев.) Тезисы конституционалистов: просвещенный абсолютизм, упование на волю правительства, воздействие на него через подачу петиций; «расовая» революция несовместима с политикой [Крымов, 1972, с. 120].

В зависимости от обстановки в разных странах одновременно на авансцену общественной жизни выходило то одно, то другое течение, оттесняя остальные, порою даже навязывая им собственное видение действительности.

В период национального пробуждения в авангарде национального движения находилась молодежь из аристократических и феодально-бюрократических кругов, имеющая доступ к ценностям европейской культуры, способная осознать требования современной жизни. На этапе

национального действия активизировались национал-либеральные и средние слои: новые социальные группы довольно быстро поднимались до понимания общественных интересов, которые в конечном счете сводились в колониях к ликвидации колониальной дискриминации и гнета, в зависимых феодальных монархиях — к уничтожению феодальной военно-бюрократической машины, неспособной противостоять колониальному экспансионизму.

Уже к началу XX века лидерство в национальном движении и в разработке его идеологии почти повсеместно перешло к либеральным средним слоям как наиболее активной политической силе того времени. Их протест накладывался на волнения в обществе, порожденные всенародным неприятием чужеземного гнета (оставим в стороне тех относительно очень немногих, кто видел спасение Востока и, прежде всего, достижение собственного благополучия в сотрудничестве с колонизатором).

Впрочем, к руководству национально-освободительным движением все чаще приходили радикальные элементы, оттесняя на более или менее продолжительное время умеренных националистов, что было предопределено ходом истории.

Либерализм и современный демократизм, близкие образованной, по преимуществу западной интеллигенции, были недоступны массовому сознанию. Признание самоценности человеческой жизни, свобода и независимость личности в государстве и обществе, вытекающие из этого конституционно закрепленные права и обязанности, — все это имело для них ничтожное значение по сравнению с долгом в отношении семьи, рода, клана, вероисповедной общины. Положение стало меняться, в сущности, только в 1930-х годах, когда мелкобуржуазное сознание стало во многом определять характер национально-освободительного движения и во всяком случае влиять на ориентацию политической элиты.

Итак, еще в 1930–1940-х годах лидирующее положение в национально-освободительном движении по большей части занимала умеренно-либеральная прослойка, видевшая политическую перспективу и решение проблемы социальной справедливости сквозь призму западноевропейского либерализма. «С наступлением периода Мэйдзи, — пишет историк Тосака Дзюн, — либерализм в Японии оказывал влияние на обывденное сознание японского общества и даже в определенном смысле формировал это сознание» [Тосака, 1982, с. 112]. Умеренные либеральные демократы лидировали в Индийском национальном конгрессе с момента его образования до начала 1930-х годов. В Индонезии первая националистическая организация современного типа — Буди Утомо (1908), объединявшая преимущественно аристократическую и интеллигентскую молодежь, — ориентировалась на западный опыт развития и была лояльной колониальным властям. Умеренно-либеральные партии и организации, потеснив радикалов в начале и середине 1930-х годов, занимали прочные позиции в идейно-политической жизни Бирмы [Кауфман, 1973, с. 7]. Умеренные конституционалисты доминировали в Египте, особенно в 1920–1940-е годы, в алжирском и тунисском национально-освободительном движениях. «На Цейлоне лидеры освободительного движения, — пишет Э. Д. Талмуд, — придерживались традиций британской парламентской демократии, добиваясь равных прав с англичанами, самоуправления в рамках Британской империи, господствовала концепция умеренного либерализма» [Талмуд, 1982, с. 191].

Преобладание умеренно-либеральных тенденций обусловлено рядом таких обстоятельств, как:

- 1) глубокая вера восточной интеллигенции в цивилизаторскую миссию Запада на Востоке;
- 2) вера в могущество разума, в способность науки и просвещения, демократических институтов преобразовать мир на основах прогресса;
- 3) демократический потенциал, заложенный в декларации Вильсона, уставе Лиги наций;
- 4) уступки, которые колониальные державы вынуждены были сделать под давлением национально-освободительного движения (многие народы Востока завоевали право на частичное самоуправление и политический суверенитет);
- 5) кризис традиционных идеологий, которые уже не могли служить опорой новым формам общественного бытия; для интеллигенции современной формации восстановление господства традиционных мировоззренческих учений было равнозначно возвращению эпохи застоя;
- 6) наконец, влияние очевидных успехов Западной Европы и Северной Америки в области науки и техники, в организации экономической жизни и т. п.

Вплоть до Второй мировой войны либеральное сознание на Востоке все еще связывало судьбу восточных обществ с Западом, притом что для либеральной интеллигенции главной в конечном счете была идея национальной независимости и исповедание новой веры — светской цивилизации, способной обеспечить всесторонний прогресс на национальной и демократической основе.

Интеллигенция добивалась превращения традиционного общества вообще в нацию — объект высшей политической лояльности, выступала за замену религиозного, традиционного права гражданским.

Взгляды восточных либералов представляли собой по большей части сочетание отдельных концепций европейского Просвещения и новейших течений европейской мысли с трансформированной в духе европейского либерализма национальной традицией. Идеалом восточных либералов было буржуазное общество на модернизированной традиционной морально-этической и культурной основе. Придерживаясь линии на сотрудничество с Западом, они проявляли крайнюю умеренность и осторожность в своих действиях.

Выше было отмечено, что в независимых и полунезависимых монархиях толчок к зарождению национального самосознания был дан исторической необходимостью сохранения или восстановления суверенитета. Политически активные силы пытались во имя этой цели реформировать традиционное общество путем политической и социально-экономической модернизации. Напротив, национальное самосознание новой интеллигенции в колониях формировалось в условиях полностью разрушенного традиционного социально-экономического, а часто и политического строя жизни. Реформаторская мысль здесь долгое время ограничивалась разработкой общей схемы политических и социальных перемен в рамках колониального статуса. Реформаторская национал-либеральная интеллигенция добивалась в первую очередь уравнивания коренного населения в правах с населением метрополии, его представительства в имперских законодательных органах, современного образования, экономического развития колонии, облегчения налогового бремени и т. п. Ее представители хотели такой унии метрополии и колонии, при которой колониальные народы сохраняют национальную индивидуальность: веру, язык, культуру, ценности и обычаи. Еще раз подчеркнем, что либеральный Восток стремился «стать Европой», не утрачивая культурное своеобразие.

Филиппинский идеолог Хосе Рисаль писал австрийскому ученому Блюментритту в 1887 году: «При современных обстоятельствах мы не хотим отделения от Испании, а лишь просим уделить нам больше внимания, обеспечить получение образования, дать лучших государственных служащих, одного или двух депутатов, для того чтобы мы были больше уверены в своей судьбе» [Рисаль, 1961, с. 61]. «Мы хотим, — объяснял Мабини, выдающийся деятель филиппинской революции, — достойной, свободной, процветающей страны, на горизонте которой виден блеск солнца, справедливости и цивилизации. Мы хотим господства демократии. Мы хотим хорошего правительства и управления. Мы хотим, чтобы наша страна была представлена в кортесах. Мы хотим, чтобы наша страна была объявлена испанской провинцией, со всеми вытекающими правами и обязанностями» [цит. по: Левтонова, 1970, с. 25].

Вьетнамская интеллигенция в лице Конституционной партии, созданной в 1924 году в Кохинхине, выступала за конституционные реформы либерального типа, за привлечение коренного населения к более широкому участию в политической жизни с помощью Франции и при сохранении французского колониального правления.

Индонезийский национальный лидер Чокроаминото в 1916 году говорил: «Наш девиз — вместе с правительством и поддерживая [его] идти в правильном направлении к самоуправлению» [Indonesia Selected Documents ... , 1977, pp. 256–257]. Партия «Единство индонезийской нации» в 1931 году добивалась общественного прогресса на национальной индонезийской основе путем завоевания «руководящих постов в колониальном аппарате, управления» законными средствами [Идеология национально-освободительного движения ... , 1984, с. 189].

Национал-реформаторы 1920–1930-х годов в Корее требовали автономии в рамках Японской империи, в Бирме — статуса английского доминиона. Созданный в 1885 году Индийский национальный конгресс, нечто вроде общеиндийской партии либеральной интеллигенции, выступал за конституционную эволюцию политической жизни в стране в направлении к самоуправлению по английскому парламентскому образцу. На первых порах Конгресс не выходил за рамки лояльной оппозиции колониальной администрации. В бенгальской газете «Банде матарам» о политике Конгресса говорилось, что она сводится к «трем П»: просить, протестовать, представлять [Mukherjee, Mukherjee, 1957, p. 20].

Образованная Индия, по меткому замечанию индийского историка В. Махаяна, практически идентифицировала себя английским правлением [Mahaian, 1979, p. 134]. «Я лоялен по отношению к английскому правительству, — заметил в 1887 году один из активных членов конгресса Б. Ч. Пал, — потому что это тождественно моей лояльности моему народу и моей стране, ибо, по моему убеждению, Бог дал нам это правительство для нашего спасения» [Ibid., p. 141]. Даже накануне обретения Индией независимости в 1947 году многие национальные лидеры были склонны ограничиться статусом доминиона для своей страны. Английский либерал У. Блант, который в 1880-

х годах предостерегал английских колониальных чиновников от опасности революционного взрыва в Индии и говорил о необходимости реформ, ссылаясь на своих индийских друзей, писал, что еще в середине XIX века «общее чувство туземцев к британцам, не облаченным в военный мундир, было уважительным и даже сердечным». В напряженной атмосфере общественных волнений, бурного роста национального самосознания в 1880-х годах Блант отмечал, что, несмотря на рост недовольства деятельностью колониальных властей, утрату надежд на быстрые перемены к лучшему для туземного населения, «среди пропагандистов индийской национальной идеи так мало тех, кто хотя бы на ушко говорил о желательности реального разрыва с Англией» [Blunt, 1909, pp. 256, 259]. Даже Тилак, пламенный трибун радикального крыла националистов, признавал: «Конечно, существует очень небольшая группа, которая мечтает о ликвидации британского правления сразу и полностью. Мы же не думаем об этом как о деле слишком далекого будущего. Без организации, без оружия, все еще разобщенные, мы не имеем шансов даже поколебать британское господство. Оставим это на другое время» [цит. по: Andrews, 1938, p. 136].

Патерналистские иллюзии были так сильны, что, когда в 1930-х годах будущий президент Туниса Хабиб Бургиба говорил о необходимости борьбы за политическую независимость, многие его просто не понимали. При этом большинство отвергало идею ассимиляции, не желая отказаться от национальных традиций, от собственной культуры. Позиция этого большинства удачно сформулирована в газете алжирских улама (мусульманских богословов) «аль-Басаир» (ноябрь 1937 года): «Мы хотим, чтобы Алжир стал протекторатом... Мы не хотим ассимиляции, поскольку она лишает нас собственной индивидуальности. Мы не хотим также полной независимости, так как мы недостаточно сильны, чтобы ее защитить» [цит. по: Трескунова, 1979, с. 37–38]. Один из видных деятелей алжирского освободительного движения, Фархат Аббас (1899–1985), который еще в 1936 году заявлял: «Я не буду умирать за алжирскую родину, потому что такой родины не существует», подобно другим либералам, желал, чтобы Алжир стал частью Франции на федеративных правах, не терял национальной самобытности. «Мы хотим, чтобы Алжир сохранил свое собственное лицо, свой язык, свои нравы, свои традиции» [цит. по: Эгрето, 1958, с. 160].

Национальное самосознание и национально-освободительная идеология вызревали в преодолении восточной интеллигенцией своей увлеченности достижениями западной цивилизации, своего комплекса неполноценности по отношению к Западу. Характерно в этом смысле высказывание индуистского реформатора Б. Ч. Пала: «Прежде во имя Индии мы любили Европу, и поэтому наши представления мы формировали в соответствии с европейскими, а не индийскими идеалами, на образцах европейского, а не индийского искусства, в духе европейской культуры. Мы любили абстракцию, которая называлась Индией, и ненавидели ту Индию, какой она была на самом деле... Теперь мы любим реальную Индию» [цит. по: Poddar, 1977, pp. 31–32].

При этом большинство националистически настроенной интеллигенции, как отмечалось, безусловно, предпочитали реформистский путь преобразований и к революционному насилию относились отрицательно. Они были воспитаны в духе европейского просветительства и либерализма и верили в могущество слова и разума, даже выдвигая максималистские требования радикальных реформ и независимости.

Список источников

1. Идеология национально-освободительного движения в странах зарубежного Востока. 1917–1941. — М. : Наука, 1984. — 308 с.
2. Кауфман А. С. Бирма: идеология и политика. — М. : Наука, 1973. — 395 с.
3. Крымов А. Г. Общественная мысль и идеологическая борьба в Китае (1900–1917). — М. : Наука, 1972. — 367 с.
4. Левтонова Ю. О. Мабини — национальный герой Филиппин. — М. : Наука, 1970. — 84 с.
5. Рисаль Х. Избранное. — М. : Изд-во вост. лит., 1961. — 260 с.
6. Талмуд Э. Д. Общественно-политическая мысль Шри-Ланки в новое время. — М. : Наука, 1982. — 231 с.
7. Тосака Дзюн. Японская идеология. — М. : Прогресс, 1982. — 250 с.
8. Трескунова А. М. Печать алжирской революции. — М. : Наука, 1979. — 191 с.
9. Эгрето М. Алжирская нация существует. — М. : Изд-во вост. лит., 1958. — 189 с.
10. Andrews C. F., Mookerjee G. K. The Rise and Growth and growth of congress in India (1832–1920). — Meerut-Delhi : Allen and Unwin, 1938. — 304 p.
11. Blunt W. G. India under Ripon: a private diary. — London : LPZ, 1909. — 343 p.

12. Indonesia Selected Documents on Colonialism and Nationalism 1830–1942. — St. Lucia, Queensland, 1977. — 367 p.
13. Mahajan V. D. The Nationalism Movement in India. — New Delhi : Sterling Publishers Pvt Ltd, 1979. — 428 p.
14. Mukherjee H., Mukherjee U. “Bande Mataram” and Indian Nationalism (1906–1908). — Calcutta : Firma K. L. Mukhopadhyay, 1957. — 96 p.
15. Poddar A. Renaissance in Bengal. Search for Identity. 1860–1919. — Simla : Indian Institute of Advanced Studies, 1977. — 252 p.

References

1. *Ideologija nacional'no-osvoboditel'nogo dvizhenija v stranah zarubezhnogo Vostoka. 1917–1941* [The Ideology of National Liberation Movement in Oriental Countries. 1917–1941]. Moscow, Science Publ., 1984, 308 p. (In Russian).
2. Kaufman A. S. *Birma: ideologija i politika* [Burma: Ideology and Politics]. Moscow, Science Publ., 1973, 395 p. (In Russian).
3. Krymov A. G. *Obshhestvennaja mysl' i ideologicheskaja bor'ba v Kitae (1900–1917)* [Public Thought and Ideological Struggle in China (1900–1917)]. Moscow, Science Publ., 1972, 367 p. (In Russian).
4. Levtonova Ju. O. *Mabini — nacional'nyj geroj Filippin* [Mabini — a Philippine Hero]. Moscow, Science Publ., 1970, 84 p. (In Russian).
5. Risal' H. *Izbrannoe* [The Selected]. Moscow, Oriental Literature Publ., 1961, 260 p. (In Russian).
6. Talmud Je. D. *Obshhestvenno-politicheskaja mysl' Shri-Lanki v novoe vremja* [Sri-Lankan Public and Political Thought in Our Time]. Moscow, Science Publ., 1982, 231 p. (In Russian).
7. Tosaka Dzjun. *Japonskaja ideologija* [Japanese Ideology]. Moscow, Progress Publ., 1982, 250 p. (In Russian).
8. Treskunova A. M. *Pechat' alzhirskoj revoljucii* [The Boon or Bane of the Algerian Revolution]. Moscow, Science Publ., 1979, 191 p. (In Russian).
9. Jegreto M. *Alzhirskaja nacija sushhestvuet* [Algerian Nationhood]. Moscow, Oriental Literature Publ., 1958, 189 p. (In Russian).
10. Andrews C. F., Mookerjee G. K. The Rise and Growth and growth of congress in India (1832–1920). Meerut-Delhi, Allen and Unwin Publ., 1938, 304 p.
11. Blunt W. G. India under Ripon: a Private Diary. London, LPZ Publ., 1909, 343 p.
12. Indonesia Selected Documents on Colonialism and Nationalism 1830–1942. St. Lucia, Queensland, 1977, 367 p.
13. Mahajan V. D. The Nationalism Movement in India. New Delhi, Sterling Publishers Pvt Ltd Publ., 1979, 428 p.
14. Mukherjee H., Mukherjee U. “Bande Mataram” and Indian Nationalism (1906–1908). Calcutta, Firma K. L. Mukhopadhyay Publ. 1957, 96 p.
15. Poddar A. Renaissance in Bengal. Search for Identity. 1860–1919. Simla, Indian Institute of Advanced Studies Pbl., 1977, 252 p.

Информация об авторе

Родригес-Фернандес Александр Мануэльевич — доктор исторических наук, профессор кафедры новой и новейшей истории стран Азии и Африки Института истории и политики Московского педагогического государственного университета.

Сфера научных интересов: экономическая и социально-политическая история арабских стран, проблемы ислама и исламизма.

Information about the author

Rodriguez-Fernandez Alexander Manuelyevich — Doctor of History, Professor in the Department of New and Modern History of Asia and Africa of the Institute of History and Politics at Moscow State Pedagogical University.

Research interests: economic, social and political history of Arabian countries, the problems of Islam and Islamism.

Статья поступила в редакцию 14.02.2022; принята к публикации 17.10.2022.

The article was submitted 14.02.2022; accepted for publication 17.10.2022.